

Народная газета

22.03.2019

Без срока давности

В Озаричском лагере смерти не было крематориев и газовых камер. Их заменили голод, холод и тиф

Людмила Минкевич

На этой неделе в центре внимания оказалось одно из самых ужасных преступлений вермахта времен Второй мировой войны. И совершено оно было на территории оккупированной Беларуси. 75 лет назад. Но у таких преступлений не бывает срока давности...

Мария Рычанкова из деревни Виричев со своими тремя детьми на пути в Озаричи 19 марта 1944 года.

Фото Семена Альперина, архив Белорусского государственного музея Великой Отечественной войны

Десять дней ада

В марте 1944 года 9-я немецкая армия организовала в болотистой местности неподалеку от сельских населенных пунктов Озаричи, Дерьт и Подосинник три временных лагеря —

комплекс, известный также как Озаричский лагерь смерти. Сюда, в прифронтовую зону, по плану, утвержденному лично Адольфом Гитлером, насильно согнали около 50 тысяч мирных жителей из Беларуси, России и Украины, в основном стариков, женщин с маленькими детьми, калек, больных тифом и другими инфекционными болезнями. Замысел чудовищный: люди должны были стать живым щитом и бактериологическим оружием против наступающих войск Красной Армии.

...Мише Синькевичу не было и 4 лет, когда в его родной хутор Булец (сейчас это Октябрьский район Гомельской области) ворвались немецкие солдаты и приказали жителям следовать на сборный пункт, якобы для медицинского обследования. Но события тех дней так тронули детское сознание, что до сих пор возвращаются во снах.

— *Помню, как просил у матери, чтобы только она меня не бросала, обещал, что не буду плакать и просить еду. И говорят, что слово свое сдержал,* — рассказывает Михаил Ефимович, который скоро отметит свой 79-й день рождения. — *Я был седьмым ребенком в семье. Старший брат, 1922 года рождения, воевал на фронте, одна сестренка погибла еще до этого. А остальные пятеро детей, мать и отец-инвалид оказались в лагере. Отец уже в пути заподозрил неладное. Он хорошо играл на скрипке, взял ее с собой в дорогу, однако немец отобрал инструмент. Отец попытался смягчить ситуацию: “Пан, верни скрипку, вместе играть будем”. Но услышал в ответ от сопровождающего полиция: “Ты сейчас у меня на веревке заиграешь!..”*

Михаил Синькевич до сих пор удивляется, что вся его семья тогда выжила. Уверен, что помогла иконка Казанской Божьей Матери, которую его мама всегда носила с собой. А выжить в те дни действительно было сложно.

— *Нас согнали в болото, окруженное колючей проволокой. Никаких барачков, как в других лагерях, там не было,* — вспоминает Михаил Синькевич. — *Территория под открытым небом. По периметру — немцы на вышках, а за пределами — заминированные проходы. Людей морили голодом, не давали воды. Запрещали разводить костры и строить шалаши. А мороз ночью доходил до минус 15 градусов, он тогда сильно подсобил врагу. За нарушение режима расстреливали. Сюда специально свозили больных сыпным тифом и другими инфекционными болезнями. Именно здесь нацисты впервые применили элементы биологического оружия — распыляли с самолетов возбудителей сыпного тифа, чтобы заразить и заключенных, и наступающих бойцов. Люди погибали сотнями. Мертвых не хоронили. Их складывали в кучи, накрывали чем-то сверху, а на трупы клали детей, чтобы они не замерзли на сырой земле. Многих это и спасло в те дни. Матери, как могли, пытались уберечь детей. Кормили припрятанными в одежде семенами ржи, гречихи, пшеницы, проса, давали жевать сосновые иголки. Себя не берегли, а детей спасали. Когда 19 марта красноармейцы 65-й армии генерала Павла Батова освободили лагерь, 517 детей уже были сиротами — без мам, пап, бабушек...*

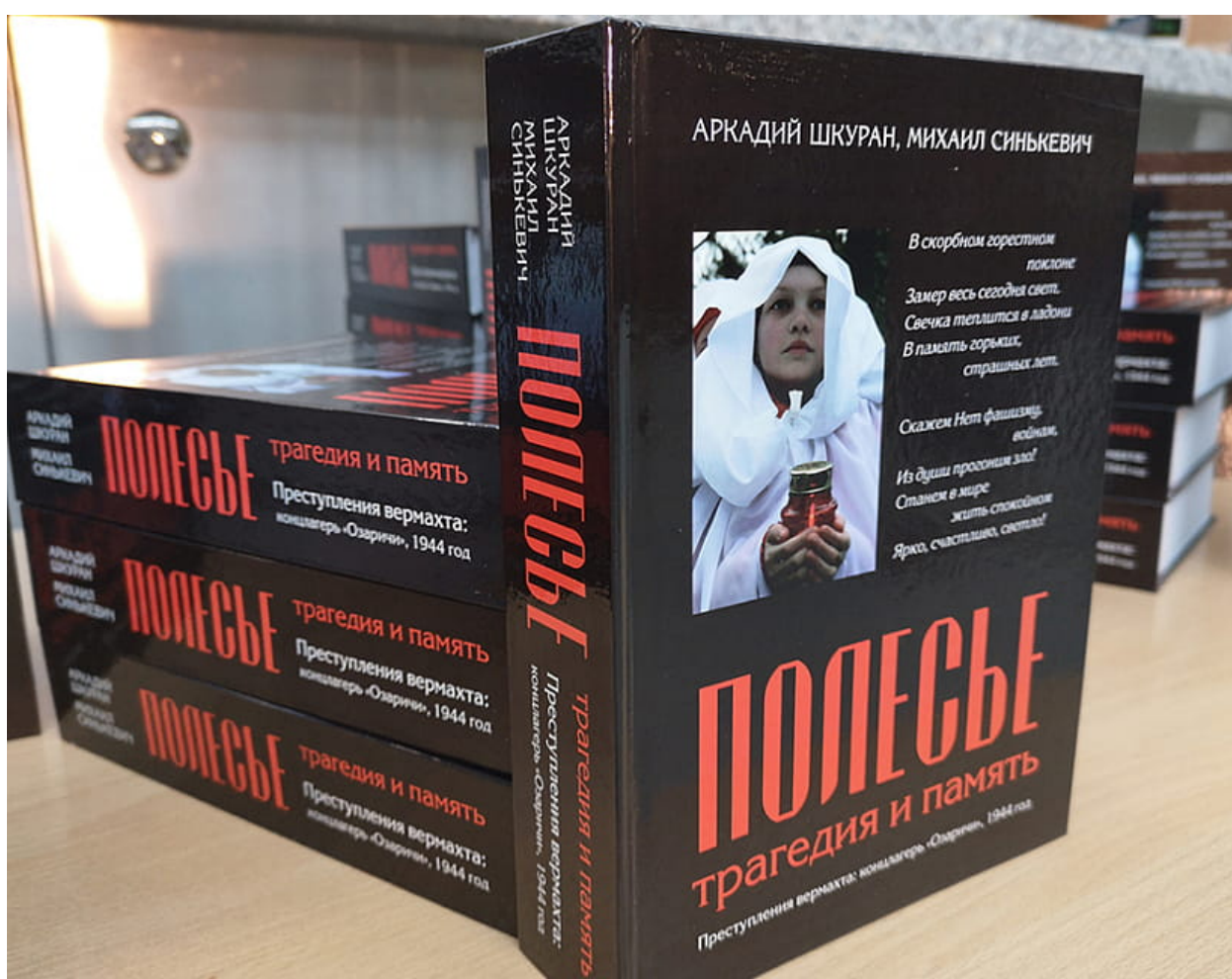
Всего было спасено 33 480 человек, из них — 15 960 детей, 13 072 женщины, 4 448 стариков. Люди были больны, ослаблены и истощены. По приказу командующего 1-м Белорусским фронтом генерала Константина Рокоссовского для лечения освобожденных были развернуты 25 военно-полевых госпиталей. Но и там бывшие узники продолжали умирать от тифа, дизентерии, обморожений и осколочных ранений. Многие стали инвалидами.

— *Нас освободили. Однако у семьи — ни кола ни двора. Дом немцы разобрали на блиндажи. Ютились в землянке,* — вспоминает бывший малолетний узник. — *Но мы*

выжили. Во многом благодаря предусмотрительности отца, который раньше ссыпал картошку, рожь, гречиху, другие зерна в чугушки и прятал в лесу.

Преступление без наказания

Удивительно, но все братья и сестры Михаила Ефимовича дожили до старости. Сам он посвятил жизнь военной геодезии и картографии. Является кандидатом технических наук, членом Европейской академии естественных наук и Академии военных наук. Автор более сотни научных трудов. Живет в Москве. А в Беларусь в эти дни приехал для участия в памятных мероприятиях, посвященных 75-летию освобождения узников Озаричского лагеря смерти. Одно из таких мероприятий — презентация книги “Полесье: трагедия и память. Преступления вермахта: концлагерь “Озаричи”, 1944 год”. Михаил Синькевич написал ее в соавторстве с Аркадием Шкураном, тоже бывшим узником этого лагеря смерти.

Сегодня Аркадий Петрович вспоминает о пережитом, едва сдерживая слезы:

— Это был чудовищный лагерь. В нем не было никаких бытовых условий. Холод. Люди голодные, вишвые. Ни туалетов, ни воды. Помню, как за день снег, лежавший на территории лагеря, превратился в грязное месиво. И узникам приходилось черпать воду из него. Мне было 10 лет. В моей памяти остались все эти страшные сцены, которые не дают мне покоя всю жизнь. Слишком много картин, фактов, переживаний... Они должны были во что-то выплеснуться.

И они выплеснулись в 700-страничную книгу, которая, по словам Аркадия Петровича, не только рассказывает историю создания и существования лагеря, но и исследует вопросы сохранения памяти:

— К сожалению, многое забылось или замалчивалось, а многое становится предметом политических спекуляций и исторических фальсификаций.

Сразу после освобождения Озаричского лагеря смерти Чрезвычайная государственная комиссия начала сбор доказательств совершенных злодеяний. Результаты расследования рассматривались на Нюрнбергском процессе. Во время Минского судебного процесса в 1946 году командир генерал-лейтенант Иоганн Рихерт, участвовавший в создании лагерей в районе Озаричей, был приговорен к смертной казни и повешен на ипподроме в Минске. Но основные виновники так и остались безнаказанными. В Германии об озаричской трагедии не говорили до 1990-х годов. Эта тема была неудобной, ведь лагеря создавали не нацистские спецслужбы, а солдаты действующей армии, многие из которых после войны вернулись домой. **Посол ФРГ в Беларуси Петер Деттмар**, выступая на презентации книги “Полесье: трагедия и память” в Национальной библиотеке, отметил:

— Приходится с ужасом констатировать, как много времени понадобилось, чтобы развенчать распространенный в Германии миф о незапятнанной репутации вермахта и военной кампании, якобы проходившей по рыцарским правилам и в соответствии с положениями международного права. Депортация гражданского населения в нейтральную зону между германским вермахтом и наступающей Красной Армией была ничем иным, как извращенной формой ведения войны.

Фото Максима Вечера

НА МЕСТЕ ТРАГЕДИИ

В 1965 году на месте озаричской трагедии Калинковичского района Гомельской области был установлен памятник, но должным образом судьба жертв, по информации выставочного проекта “Лагерь смерти Тростенец. История и память”, была увековечена только в 1994 году. Уже в независимой Республике Беларусь был открыт новый памятник жертвам Озаричей. Со временем рядом с ним возникли небольшой музей и православная часовня.

Озаричский лагерь смерти просуществовал десять дней — 19 марта 1944 года узники были освобождены. Но за эти десять дней, наполненных страхом, холодом и голодом, погибли от 9 до 13 тысяч человек. Однако если учесть тех, кто умер по пути в лагерь, и тех, кому не удалось выжить после освобождения из этого ада, жертв оказалось почти вдвое больше